

ПОЛЯНСКАЯ Елизавета Константиновна

Государственный академический университет гуманитарных наук
Россия, Москва
elizaveta_pol02@mail.ru

ШМЕЛЕВ Андрей Сергеевич

Государственный академический университет гуманитарных наук
Россия, Москва
Andrey_2163@mail.ru

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ

Аннотация: Данная работа представляет собой рецензию на выпущенные в прошлом году коллективную монографию под редакцией Х. Я. Орнинга, К. Эсмарка и Йоуна Видара Сигурдсона «Новые взгляды на “гражданские войны” в средневековой Скандинавии» и труда Х. Я. Орнинга «Постоянный кризис: Деконструкция гражданских войн в Норвегии, ок. 1180–1220 гг.». Эти работы выводят изучение эпохи гражданских войн в Скандинавии (*borgerkrigstida*) на новый виток дискуссии, рассматривая, главным образом, социально-политические причины этого конфликта, а также особенности регуляции состояния общества посредством постоянного противостояния нескольких групп. Исследуя родословную правящих династий, социальные и политические связи королей, а также ход конфликта, исследователи пересматривают ключевые даты данной эпохи, а также причинно-следственные связи событий рубежа XII–XIII вв. и приходят к выводу, что гражданские войны не имеют одного общего начала, возникают на разных социальных уровнях и им не свойственен столь серьезный уровень жестокости, который ранее приписывали подобным конфликтам. Ключевым выводом рецензируемых трудов можно считать то, что такого рода «войны» являлись для Скандинавии обыденной вещью и служили системой общественного регулирования и «баланса сил». Для подчеркивания специфического характера данного типа конфликтов Орнинг, помимо прочего, предлагает ввести новый термин — «постоянный кризис» (*constant crisis*).

Ключевые слова: социальные связи, гражданская война, конфликтология, «постоянный кризис», родственные связи

Для цитирования: Полянская Е. К., Шмелев А. С. Новые подходы к изучению гражданских войн в средневековой Скандинавии // *Studia Nordica*. 2025. № 1. С. 169–184. DOI: 10.17076/sn8

Тема «гражданских войн» для современного читателя не нова. Общий обзор этого явления на протяжении всей человеческой истории дал Дэвид Эрмитедж в своей книге «Гражданские войны: история идей», где он рассматривает обширный исторический промежуток, доказывая, что само по себе явление «гражданской войны» проявило себя как нечто разрушающее и

уничтожающее весь общественный прогресс¹. Однако современные социологи ушли достаточно далеко от традиционных взглядов на такого рода конфликты. Более того, в настоящее время признается, что подобные конфликты могли играть важную роль в сохранении мира в обществе. Антрополог Макс Глакман (тж. Глакмен, Глюкман) при изучении взаимоотношений в африканских племенах разработал свою концепцию восприятия конфликтов в традиционных обществах. Он предложил рассматривать гражданские войны как «мир во вражде»², т. е. не относиться к ним как к дестабилизирующему явлению, а воспринимать их как уравновешивающий фактор жизни в социуме³. Идею Глакмана восприняли исследователи средневековой Европы, которые стали использовать его методы на своем материале. А авторы рецензируемых монографий решили рассмотреть эту концепцию в рамках истории Скандинавии XII–XIII вв.

Первый раздел (главы 1–4) коллективной монографии под редакцией Х. Я. Орнинга, К. Эсмарк и Йоуна Видара Сигурдсона «Новые взгляды на “гражданские войны” в средневековой Скандинавии» (*New Perspective on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia*⁴) посвящен тематическим исследованиям отдельных этапов гражданских войн с анализом основных социальных аспектов данного конфликта. В первой главе раздела, «Сети и отряды⁵: гражданские войны в Норвегии ок. 1130–1163 гг.» (*Networks and flokkar. The Civil Wars in Norway c. 1134–1163*, pp. 41–96), Йоун Видар Сигурдсон рассматривает ранний этап борьбы за трон Норвегии и то, как королевские связи стали основной причиной разжигания данного противостояния. Он анализирует место кровных и

¹ Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New Haven, 2017.

² Он развернул свою концепцию в «парадигме линиджа»: человек, оказавшийся в споре между своими родственниками, не может поддерживать одного родича против другого и поэтому будет стремиться установить мир между ними.

³ Gluckman M. Rituals of Rebellion in South-East Africa. Manchester, 1954; Gluckman M. The Peace in the Feud // Past and Present. 1955. № 8. P. 1–14.

⁴ New Perspectives on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia / Ed. by H. J. Orning, K. Esmark, Jón Viðar Sigurðsson. Turnhout, 2024.

⁵ Здесь и далее мы переводим *flokkar* (*pl.* от *flokkr* ‘группа, партия, отряд, толпа’, см.: Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic–English Dictionary. Oxford, 1957. P. 161) как «отряды», поскольку первоначально под *flokkar* понимались отряды вооруженных людей, которые находились под командованием короля.

приемных родственников, друзей, а также придворных и их частных армий в контексте королевских связей (pp. 43–44). Йоун Видар утверждает, что основным инструментом власти для норвежского правителя была слаженная обширная сеть, состоящая из большого количества контрагентов из разных социальных слоев. Таким образом, король мог делегировать управление своими землями на местах, контролировать свои частные вооруженные отряды и предотвращать внутренние конфликты в своем королевстве (pp. 45–47, 49–50). Социальные связи, или «социальные сети»⁶, благодаря своим размерам и переплетенности препятствовали появлению конфликтов на фоне серьезных противоречий внутри сети, более того, как утверждает автор, такие сети были более эффективными, чем семья или род (который также входил, так или иначе, в королевскую социальную сеть: pp. 50–51, 57–60). Исследователь приходит к выводу, что одной из причин начала войны стала недостаточная связь между двумя королевскими сетями, которые могли бы контролировать общую внутригосударственную напряженность (pp. 54–56). Другим важным фактором, по мнению Йоуна Видара, было то, что в этот период ни одна из сторон не созывала общую армию для быстрого регулирования конфликта, т. к. социальные связи обоих претендентов на власть пересекались среди «домохозяев», которые не хотели поддерживать в конфликте ни одну из сторон. Решением этой проблемы стало создание частных военных групп (*flokkr*). Военные отряды старались создавать из людей низших сословий, которые не могли бы являться частью королевских сетей. Однако и в самих вооруженных группах возникали свои дружественные связи с другими такими же формированиями, которые предотвращали крупные потери в сражениях (p. 77). Автор также подчеркивает, что частные военные отряды стали главными «делателями королей», которые обходили право народных собраний избирать правителя, что, в конце концов, привело к власти Магнуса Эрлингссона, который отказался от практики совместного правления в пользу

⁶ Термин ввел еще в середине XX в. Дж. Барнс: *Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human relations. 1954. Vol. 7. No. 1. P. 39–58.*

европейской модели единого королевства, одного короля, но это не прекратило борьбы за власть, и конфликт получил продолжение (pp. 79–80).

Вторая глава «Запутанный конфликт: Социально-политическое соперничество и война в Дании ок. 1128–113 гг.» (*Messy Conflict: Socio-political Competition and War in Denmark c. 1128–1137*, pp. 41–46) посвящена политическому убийству Кнуда Лаварда в 1131 г., которое развязало «мстительную войну», длившуюся три года. В самом начале автор главы Ким Эсмарк рассматривает структуру королевской сети, которая формировалась задолго до убийства. Исследователь говорит, что конкуренция за различные виды ресурсов была делом не одних лишь представителей власти, но и его приближенных — части социальной королевской сети, которая не только играла важную роль в военных конфликтах, но и могла влиять на королевскую политику и создавать собственные узлы власти (pp. 97–98). Подобное общество магнатов и больших землевладельцев Эсмарк сравнил с «темной материей» (*dark matter*), намекая на масштабность внутренних изменений в сети (pp. 102–103). Со временем в королевской сети накапливались и появлялись новые политические активы в виде представителей Лундской епископии, чье появление ознаменовало новую политическую силу, сопоставимую с королевской, а также развивающихся городских сообществ, которые за счет торговли и накопления ресурсов могли выступать в качестве независимой силы (pp. 106–108). Ситуация усугублялась отсутствием какого-либо закона, регулирующего права наследования короны, предоставляя «народу» в лице крупных землевладельцев право избирать короля. Безусловно, такая группа не обладала сплоченностью и едиными мотивами, и это способствовало нарастанию противоречий и напряженности среди знати, что и привело к масштабному конфликту после трагических событий 1131 г. Эсмарк утверждает, что война велась сторонами, не имевшими противоречий в политических, религиозных или иных ценностях, главную роль сыграло стремление к доминированию в структуре власти между группами элит (pp. 153–157).

Третья глава «Постоянный кризис в Норвегии 1202–1208 гг.» (*Constant Crisis in Norway, 1202–1208*, pp. 165–214), написанная Хансом Якобом Орнингом, возвращает читателя в Норвегию к самому интенсивному периоду гражданской войны. Орнинг отказывается от общей концепции представления гражданских войн как фазы развития общества, завершающейся политическим крахом одной из противоборствующих идеологий, а исходит из предположения, что конфликт всегда присутствует в обществе и что он обычно неформально регулируется принципом баланса, охарактеризовав это термином «постоянный кризис» (*constant crisis*, pp. 165–166). Орнинг показывает, что конфликт не ограничивался борьбой между двумя соперничающими фракциями, или вооруженными отрядами, биркебейнерами («березовоногими») и баглерами («посошниками»). Внутригрупповые конфликты также имели место, а если принять тот факт, что между противоборствующими партиями существовали разнообразные социальные связи, то можно предположить, что сплоченность внутри них была слабой, а конфликты между партиями были вялотекущими (pp. 166, 176–179, 183, 191–192). Таким образом, Орнинг считает, что влияние вооруженных действий на местные сообщества, вероятно, было менее существенным, чем предполагалось ранее. Он приходит к выводу, что распространность конфликтов следует понимать как состояние, при котором напряженность и борьба остаются неотъемлемой частью социально-политического порядка в виде регулятора отношений между людьми, а не чем-то внешним или противоречащим ему (pp. 205–208).

Здесь стоит сделать отступление, чтобы обратиться к отдельной монографии того же автора⁷, посвященной теме конфликта и кризиса, гражданских войн в Норвегии 1180–1220 гг., в которой Ханс Якоб Орнинг развивает тему «постоянного кризиса» в Норвегии XIII в. Первая глава книги является вступлением, где автор рассуждает о понятии «гражданской война»

⁷ Orning H. J. Constant Crisis Deconstructing the Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220. Ithaca (NY), 2025. URL: <https://ecommons.cornell.edu/items/a882abe5-af3b-42d2-b316-c452d222eb66> (дата обращения: 18.10.2025).

(*Civil war*), а также затрагивает тему легитимизации насилия в обществе. На примере «гражданских воин» в Норвегии Орнинг пытается доказать, что подобного рода конфликты могут выступать как инструмент поддержки общественного порядка. Поэтому борьбу за престол в Норвегии можно рассматривать не как социально-политическую катастрофу, а наоборот, как своеобразную форму поддержания внутреннего «баланса сил» политических элит. Более того, Орнинг шире смотрит на географию конфликта и уровни участия в данных войнах. В данном контексте он продолжает использовать термин «постоянный кризис» как характеристику состояния норвежского общества в описываемый период (pp. 2–4). В той же главе он анализирует понятие конфликта, которое ввел Карл Маркс. Тезис Маркса состоит в том, что конфликт, понимаемый прежде всего как классовая борьба, есть главная движущая сила исторического развития. При этом его характер принципиально нейтрален — он не обладает ни положительными, ни отрицательными характеристиками как таковыми. Конфликт рассматривается исключительно как объективный механизм развития общества, что принципиально отличает данный подход от иных интерпретаций социальных противоречий.

Орнинг, однако, видит в конфликте инструмент социальных изменений, не имеющий ни положительных, ни отрицательных черт.

При этом Орнинг уделяет огромное внимание концепции сегментарных обществ, разработанной антропологом Эдвардом Э. Эванс-Пritchардом⁸, используя идеи последнего применительно к скандинавскому материалу (pp. 6–8, 19–20, 23–24). Вслед за Эванс-Пritchардом Орнинг сосредотачивается на конфликтах различных уровней, от внутригрупповых до межрегиональных.

Во второй главе монографии Х. Я. Орнинг анализирует идеи и стремления представителей двух противоборствующих партий, биркебейнеров и баглеров. Историк показывает, что военные и социальные особенности норвежского общества того времени не давали долгосрочно

⁸ См.: *Evans-Pritchard E. E. The Nuer of the Southern Sudan // African Political Systems / Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard. Oxford, 1940. P. 272–297.*

закрепить власть какой-либо стороне конфликта. Отсутствие воли и достаточных ресурсов у участников работали в пользу баланса сил между двумя фракциями (pp. 27–28, 88–89). В ходе конфликта между биркебейнерами и баглерами нельзя выявить лидера в военных столкновениях, т. к. обе стороны конфликта прибегали к партизанской тактике ведения боевых действий, сводя поддержку местного населения на нет, или обращались за помощью извне, привлекая которую проигравшая сторона становилась сильнее, чем была раньше (pp. 48–50, 52–55). Таким образом, несмотря на то, что биркебейнеры чаще оказывались превосходящими по силе и чаще переходили в наступление, их противники постепенно учились противостоять им, что свело на нет все преимущества, к числу которых можно отнести флот биркебейнеров, потерявший свое стратегическое значение. Одной из причин успешной партизанской тактики Орнинг видит ограниченность влияния биркебейнеров в регионах. Другими словами, их власть сосредотачивалась только в пределах малочисленных укреплений, и у них не было полного контроля над территорией (pp. 34–35, 89–90).

В третьей главе монографии Орнинг рассматривает внутренние конфликты в самих партиях как инструмент стабильности и регуляции общества. Орнинг пишет, что конфликты в группе являются признаком вовлеченности всех ее членов в решение того или иного вопроса, а большая вовлеченность членов группы повышает степень осознанности при выборе решения в группе. Исходя из этого, Орнинг считает, что важной причиной неудач баглеров было неумение распределять власть между членами группы (pp. 93–94, 124–127). Кроме того, «постоянный кризис» между биркебейнерами и баглерами, с точки зрения Орнинга, проецировался на «постоянный кризис» внутри каждой группы, где шла борьба за власть и влияние (p. 127).

Четвертая глава монографии посвящена связям между группами. В ней Орнинг выделяет три формы связи, отличные от тех, которые основаны на принадлежности к вооруженным группам, а именно: личные связи, основанные на родстве, дружбе и клиентелизме; материальный мотив (поиск

добычи) и сообщество социальных элит (р. 131)⁹. В той же главе Орнинг анализирует, почему близкие родственники нередко выступали против друг друга, входя в противоборствующие группировки. Автор приводит несколько обстоятельств, которые, как он полагает, приводили к такому положению дел: во-первых, семья как целое получала шанс остаться в выигрыше вне зависимости от итога конфликта; во-вторых, в случае поражения родичи, выступавшие за другую сторону, могли замолвить слово за проигравших и обеспечить тем помилование (р. 133). По словам исследователя, данная стратегия была распространена, поскольку не несла особых рисков для семьи (р. 133). Отдельного внимания заслуживает и сделанный в той же четвертой главе вывод о том, что состояние кризиса было естественным порядком вещей для элит, поскольку союз и соперничество в среде элит — две стороны одной медали (р. 155).

Пятая глава монографии посвящена взаимоотношениям вооруженных групп с местными жителями. Орнинг разделяет встречи-собрания между королями и крестьянами на два типа: первый, когда вооруженная группа во главе с лидером оказывается в уязвимом положении; второй, когда король навязывает свою власть местным жителям (р. 167). Здесь же автор рассуждает о различиях между профессиональными воинами и народным ополчением. Он приходит к выводу, что если мужчина мог совмещать роль военного и местного лидера, то это показывает, что война не была постоянной деятельностью, а лишь занятием, которое можно было совмещать с «нормальной» жизнью (р. 191).

Таким образом, Орнинг задается в своей монографии вопросом о применимости термина «гражданская война» к событиям далекого прошлого. Он предупреждает, что данное определение уже содержит в себе современные представления о нем. В качестве аналога Орнинг предлагает использовать концепцию «постоянного кризиса» (введенную им годом ранее в главе

⁹ Автор ссылается здесь, в частности, на статью Ж. Дюби: *Duby G. The Origins of Knighthood // Duby G. The Chivalrous Society / Transl. By C. Postan. Berkley (CA), 1977. P. 158–171.*

коллективного труда о гражданских войнах), которая призвана описать период, когда насильственные конфликты были неотъемлемой частью жизни (р. 204). Автор наглядно демонстрирует на протяжении всей книги, что конфликты не имеют одного общего начала, а наоборот — возникают на разных уровнях (каждому из уровней посвящена отдельная глава). Безусловно, невозможно не согласиться со словами Орнинга, что изучение конфликта помогает не только выяснить, как трансформировалось восприятие насилия и конфликтов с течением времени, но и пролить свет на наше собственное к ним отношение (р. 225).

Возвращаясь к коллективной монографии «Новые взгляды на гражданские войны в средневековой Скандинавии», перейдем к ее второму разделу (главы 5–7). В нем авторы отходят от изучения конфликтов в широком плане, сосредотачиваясь на их отдельных политических аспектах. Открывает раздел глава «Пространственные практики в скандинавской игре за власть XII и начала XIII века» (*Spatial Practices in the Twelfth and Early Thirteenth Century Scandinavian Power Game*, pp. 217–264), в которой Бьёрн Поульсен провел анализ материальной и пространственной основы конфликтов в средневековой Скандинавии. На основе сравнения ландшафтов Дании, Норвегии и Швеции автор показывает, как их различия определили особенности развития сообществ и связей между ними. Власть и контроль над территорией всегда были тесно связаны с морем. Поэтому флот обладал первостепенным значением в Норвегии из-за ее длинной береговой линии, а также в Дании с ее островами, в то время как в Швеции ввиду плохого освоения побережья флот играл не такую важную, по мнению Поульсена, роль (pp. 221–222, 225–226). Несмотря на это, флот во всей средневековой Скандинавии оставался необходимым инструментом для поддержания межрегиональных связей и военной логистики, а также как политический инструмент в отношениях с другими государствами, что способствовало развитию и переплетению различных социальных связей в контексте «постоянного кризиса». С ростом городов и увеличением числа маршрутов разделение между центром власти и

периферией стало более четким, власть концентрировалась на одном месте, что способствовало укреплению королевской власти (pp. 247–250).

Ларс Хермансон в шестой главе «Память о Маргрете. Знатные женщины как политические агенты в многосторонних конфликтах 1120–1170 гг.» (*The Memory of Margrethe. Noblewomen as Power Agents in Multi-Party Conflicts c.1120–1170*, pp. 265–308) определяет политического агента как человека, который по разным причинам способен осуществлять определенный контроль над общественными отношениями и изменять их (p. 266). Автор отмечает, что, в сложившейся историографической традиции знатные женщины рассматривались как не более чем пешки, основная роль которых заключалась в продвижении своей семьи по социальной лестнице с помощью брачных связей (p. 265). Хотя с таким взглядом трудно спорить, он, по мнению Хермансона, не позволяет в полной мере понять, что из себя представляли конфликты между элитами и властные отношения в Скандинавии во время их внутренних конфликтов в указанный период времени (p. 266). Хермансон рассматривает на примере королевы Маргреты и ее племянницы Ингрид Рёгнвальдсдоттир, какими средствами пользовались знатные женщины как акторы политики. Основная мысль автора заключается в том, что женщины при жизни и после смерти выполняли решающие функции в построении, трансформации и сохранении политических связей (p. 266). Среди социальных ролей королевы Маргреты он выделяет ее роль как символа благочестия. И подчеркивает, что именно эта роль способствовала превращению Маргреты в объект памяти.

Рассматривая жизненный путь Ингрид Рёгнвальдсдоттир, Хермансон приходит к выводу, что для женщины повторный брак был лучшей и эффективной тактикой не только выживания, но и сохранения своего имущества, и обеспечения опекунства над своими детьми (p. 278). Подобно своим коллегам-мужчинам из королевской семьи, Ингрид поддерживала баланс между различными фракциями при дворе, а также «создала собственную аристократию» (“*created her own aristocracy*” — p. 282).

Используя концепцию Пьера Бурдье¹⁰, Хермансон показывает, что женщины в средневековой Скандинавии в целом играли не менее важную роль на политической арене, чем мужчины. Знатные женщины не только были накопителями социального капитала (честь, род), но являлись активными его созидаелями (р. 300).

В седьмой главе «Миротворчество и переговоры в Скандинавии Высокого Средневековья» (*Peacemaking and Negotiations in High Medieval Scandinavia*, pp. 309–342) Дженни Бенхам рассматривает мирные переговоры и то, что их сопровождало: различные правила поведения, ритуалы и традиции. Автор подчеркивает, что возмещение ущерба и вопросы помилования (для проигравшей стороны) являются критериями для понимания многих конкурирующих требований перехода от конфликта к миру (р. 319). Бенхам приходит к выводу, что мирные соглашения стоит рассматривать, в первую очередь, как индикаторы того, что было справедливым и законным во время войны и мира (р. 323). Сотрудничество, по ее мнению, было необходимым ключом к разрешению конфликтов, что породило определенный набор требований к тем, кто заключает мир. Автор уделяет много внимания месту встречи и различным символическим жестам (например, клятвам), которые сопровождали переговоры.

Третий раздел коллективной монографии (главы 8–10) посвящен сравнению ситуации в Скандинавии с историческими процессами и событиями в других частях Европы.

Герд Альтхофф в главе 8 «Политические сети в конфликте. Взгляд из Германии» (*Political Networks in Conflict. A German Perspective*, pp. 345–370) описывает поведение знатных воинов во время политических распри в германских землях в период Высокого Средневековья. Он предпринимает попытку взглянуть на них с точки зрения разных представителей социальной структуры (короля, духовенства, знатных семей). Подобный анализ может быть полезным для сравнения с процессами, происходившими в Скандинавии. Более всего заслуживают внимания стратегии, приведенные автором в

¹⁰ Bourdieu P. *Masculine Domination* / Transl. by R. Nice. Cambridge, 2001.

качестве «эскалаторов» или «деэскалаторов» конфликта. Альтхофф предлагает взглянуть на известные по источникам события, связанные с усилением политической напряженности, капитуляцией городов и т. п., как на отдельные, хорошо понимаемые людьми той эпохи шаблоны поведения.

Кроме того, он специально выделяет роль медиаторов, миротворцев, которые были ответственны за установление и поддержание связей и переговоров между сторонами, вовлеченными в конфликт (р. 356). Одну из главных своих задач Альтхофф видит в том, чтобы оспорить существующий в исторической науке тезис о неограниченном применении насилия в Средние века. На основании различных источников ему удается показать, что средневековое германское общество знало и применяло правила и обычай для прекращения конфликтов без кровопролития или до его начала (р. 366).

В девятой главе «Военные истории. Переосмысление восстания в Англии нормандского и анжуйского периодов, 1066–1217 гг.» (*War Stories. Re-thinking Rebellion in Anglo-Norman and Angevin England, 1066 to 1217*, pp. 371–412) Стивен Д. Уайт на англо-нормандском и французском материале¹¹ рассматривает восстания в Англии XII и раннего XIII в. как часть законной политической оппозиции, а не как что-то выходящее за рамки обычного политического процесса. Продолжая тему, поднятую в восьмой главе, Уайт не только приводит ряд ключевых характеристик понятия «война», но также перечисляет причины, которых было достаточно для ее начала, и при этом делает акцент на ментальности людей, живших в ту эпоху.

Заключительная десятая глава «Скандинавия в средневековой Европе» (*Scandinavia in Medieval Europe*, pp. 413–428) одновременно подводит итог всему сборнику и предлагает взгляд Уоррена К. Брауна на место Скандинавии в средневековой Европе. Автор задается главным вопросом, который по-своему поднимался исследователями в каждой главе: могут ли конфликты, распространявшиеся по региону в XII–XIII вв., быть верным образом поняты

¹¹ Уайт использует «Историю герцогов Нормандии и королей Англии» Анонима из Бетюна: *The Anonymous of Béthune. Historie des ducs de Normandie et des rois d'Angleterre*. Paris, 1840.

современными исследователями, активно применяющими термин «гражданская война» для описания таких конфликтов, которые происходили задолго до формирования представлений о национальных границах и государствах, тогда как само понятие гражданской войны возникло в условиях существования этих последних (р. 413)? Рассуждая о процессах, происходивших в Европе и отдельно в Скандинавии, сопоставляя их, Браун приходит к выводу, что, несмотря на различия, Скандинавия не только прочно занимает свое место в европейской средневековой истории, но и помогает лучше понять эту историю (р. 414). В частности, сравнивая города Скандинавии с городами Фландрии, Браун находит, что первые не были независимыми политическими субъектами, а, наоборот, являлись центрами власти и легитимности, за которые и велась борьба (р. 423).

Таким образом, авторы коллективного труда рассматривают конфликты внутри Скандинавии не как череду отдельных жестоких войн, а как период непрерывного противостояния различных политических группировок. Они поднимают вопросы о переосмыслинии используемого современного терминологического аппарата для описания средневековых конфликтов. На замену устоявшимся определениям «гражданской войны» в периоды, когда насильтственные конфликты происходили внутри региона и были неотъемлемой его частью, Х. Я. Орнинг предлагает использовать термин «постоянный кризис». Нам кажется, что данный подход обладает высоким потенциалом, поскольку позволяет применять концепцию «постоянного кризиса» не только на средневековом скандинавском материале, тем самым открывая новые возможности для исторических аналогий и компаративных исследований.

Список литературы

1. Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. New Haven: Penguin Canada, 2017. 349 p.
2. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. // Human relations. 1954. Vol. 7, № 1. P. 39–58.

3. Bourdieu P. *Masculine Domination* / Transl. by R. Nice. Cambridge: Polity Press, 2001. 133 p.
4. Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic–English Dictionary*. 2nd ed. Oxford: The Clarendon Press, 1957. 779 p.
5. Duby G. *The Origins of Knighthood* // Duby G. *The Chivalrous Society* / Transl. by C. Postan. Berkley (CA): University of California Press, 1977. P. 158–171.
6. Evans-Pritchard E. *The Nuer of the Southern Sudan* // *African Political Systems* / Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard. Oxford: Oxford University Press, 1940. P. 272–297.
7. Gluckman M. *Rituals of Rebellion in South-East Africa*. Manchester: Manchester University Press, 1954. 160 p.
8. Gluckman M. *The Peace in the Feud* // *Past and Present*. 1955. No. 8. P. 1–14.
9. New Perspectives on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia / Ed. by H. J. Orning, K. Esmark, Jón Viðar Sigurðsson. Turnhout: Brepols, 2024. 448 p.
10. Orning H. J. Constant Crisis Deconstructing the Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2025. 265 p. URL: <https://ecommons.cornell.edu/items/a882abe5-af3b-42d2-b316-c452d222eb66> (дата обращения: 18.10.2025).

POLIANSKAIA Elizaveta K.

State Academic University for the Humanities
Russia, Moscow
elizaveta_pol02@mail.ru

SHMELEV Andrei S.

State Academic University for the Humanities
Russia, Moscow
andrey_2163@mail.ru

NEW APPROACHES TO THE STUDY OF CIVIL WARS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA

Abstract. This work is a review of the collective monograph *New Perspectives on Civil Wars in Medieval Scandinavia*, edited by H. J. Orning, K. Esmark, and the Icelandic historian Jón Viðar Sigurðsson. The book was published last year, as well as H. J. Orning's separate work *Constant Crisis: Deconstructing Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220*. These studies elevate the scholarship on

the period of civil wars (*borgerkrigstida*) in Scandinavia to a new level of discourse. They primarily examine the socio-political causes of this conflict and the specific ways in which the state of society was regulated through the persistent confrontation of various factions. By investigating the genealogies of the ruling dynasties, the social and political connections of the kings, and the course of the conflict, the researchers reassess the key dates of this period, along with its cause-and-effect relationships. They conclude that the civil wars did not have a single, common starting point, emerged at different social levels, and were not characterized by the extreme level of violence as was thought previously, when such conflicts were studied. A key conclusion of the reviewed works is that such “wars” were a commonplace feature of Scandinavian society and served as a system of social regulation and “balance of power”. To emphasize the specific nature of this type of conflict, Orning proposes a new term — “Constant Crisis”.

Keywords: social networks, civil war, conflict studies, Constant Crisis, kinship tie.

For citation: Polianskaia E. K., Shmelev A. S. New Approaches to the Study of Civil Wars in Medieval Scandinavia / *Studia Nordica*. 2025, no. 1, pp. 169–184. DOI: 10.17076/sn8

References

1. Armitage D. *Civil Wars: A History in Ideas*. New Haven, Penguin Canada, 2017, 349 p.
2. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human relations*. 1954, vol. 7, no. 1, pp. 39–58.
3. Bourdieu P. *Masculine Domination*. Transl. by R. Nice, Cambridge, Polity Press, 2001, 133 p.
4. Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. *An Icelandic–English Dictionary*. 2nd ed., Oxford, The Clarendon Press, 1957, 779 p.
5. Duby G. The Origins of Knighthood. Duby G. *The Chivalrous Society*. Transl. by C. Postan, Berkley (CA), University of California Press, 1977, pp. 158–171.
6. Evans-Pritchard E. The Nuer of the Southern Sudan. *African Political Systems*. Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard, Oxford, Oxford University Press, 1940, pp. 272–297.
7. Gluckman M. *Rituals of Rebellion in South-East Africa*. Manchester, Manchester University Press, 1954, 160 p.
8. Gluckman M. The Peace in the Feud. *Past and Present*. 1955, no. 8, pp. 1–14.
9. *New Perspectives on the “Civil Wars” In Medieval Scandinavia*. Ed. by H. J. Orning, K. Esmark, Jón Viðar Sigurðsson, Turnhout, Brepols, 2024, 448 p.

10. Orning H. J. *Constant Crisis Deconstructing the Civil Wars in Norway, ca. 1180–1220*. Ithaca (NY), Cornell University Press, 2025, 265 p., available at <https://ecommons.cornell.edu/items/a882abe5-af3b-42d2-b316-c452d222eb66> (accessed October 18, 2025).